

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

«НЕПОЗНАННОЕ»

ДРУГАЯ УЛИЦА

ZUM
Gefangenenlager

Александр Бушков

Другая улица

«ЭКСМО»

2014

Бушков А. А.

Другая улица / А. А. Бушков — «Эксмо», 2014

Верить этому или нет? Историй слишком много, рассказаны они разными людьми в разное время, и все же невольно обращаешь внимание на одну странную вещь, которая их все объединяет: извечная борьба Добра и Зла может вдруг принять такую невероятную, неземную, необъяснимую форму, что вмиг рушатся все наши устоявшиеся представления о реальности и адекватности. Может быть, причиной тому – война, которая яркой декорацией стоит за всеми этими историями? Война, которая в своем адовом котле смешивает воедино Добро и Зло, Правду и Ложь, Реальность и Вымысел?

© Бушков А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Странный капитан	5
Неприятный дед	8
Разговоры в дождь	17
Майская рыбалка	27
Хавронья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Бушков

Другая улица

Странный капитан

Вообще-то смело можно сказать, что любой военно-полевой хирург, чем дольше времени провел на фронте, тем больше насмотрелся всяких необыкновенных вещей. Целые книги писать можно. Вот, скажем, осколок, как будто кто его специально так направил, попадает точнехонько меж двумя крупными артериями или нервами. На пару миллиметров правее-левее – и приключилась бы мгновенная смерть. А так – все обошлось. Иногда – да часто – такие осколки или пули мы не брались извлекать. Начнешь извлекать, шелохнется он не так на этот самый миллиметр – и конец. Потом понемножку врастает, место свое, так сказать, занимает в организме, и человек с ним живет иногда долгими десятилетиями без всякого вреда для организма.

Осколки и пули порой вытворяют удивительнейшие вещи. И не только они. Одного майора при близком разрыве ударило не осколком, а длинной деревянной щепкой сантиметров двадцати в длину. Прошла насквозь кожную складку под подбородком, да так и осталась торчать. Не проткнула гортань, не задела ни крупные сосуды, ни челюстно-лицевые нервы. Осторожненько разрезали кожу, вынули деревяшку, убедились, что ничего не задето, наложили швы – и майор после небольшой перепалки вернулся к себе в батальон.

Да столько рассказывать... Но это все, пусть даже необыкновенное, укладывается в некие рамки. Пожалуй, даже необыкновенным назвать нельзя. Диковиной уж скорее, что ли. А вот настоящее необыкновенное я наблюдал лишь однажды. Твердо знаю, что привидеться мне не могло. Ну а объяснения до сих пор найти не могу, собственно, давным-давно перестал гадать и ломать голову. Все равно бесполезно.

Я тогда, будучи хирургом, служил в дивизионном медсанбате – именно там квалифицированные специалисты занимаются ранеными, так сказать, обстоятельно. Как была устроена система медицинской помощи на фронте, многие и не представляют – но там было четко отлажено несколько этапов. В батальонных и полковых медпунктах накладывают повязки, простые и сложные, ставят шины при переломах, колют обезболивающие, противостолбнячные – вот примерно и все. Операций там не делают. Квалифицированные хирурги – это уже в дивизионном медсанбате, за несколько километров от передовой. Именно туда и везут всех, кому требуется операция. Да бывало и не довозили. Но так уж устроена система. В медсанбате – более-менее сложное оборудование, и если выдвинуть его непосредственно к «передку», сами понимаете, что может произойти. Бомбежка или случайный снаряд – и дивизия осталась без медсанбата...

Дивизия наступала, все только началось и разворачивалось, так что наплыва раненых пока что не было – такого, при котором и человеком быть перестаешь, и сознание отключается. Становишься каким-то автоматом, работаешь, не думая и не рассуждая, иногда и сутки...

Но все равно, раненых подвозили уже столько, что передышек не было. Этого капитана принесли ко мне в операционную палатку где-то после полудня. Дали наркоз. Я посмотрел карточку и приступил...

Осколочное ранение в правое бедро, в верхнюю треть. Кроме повязок ему наложили еще и шину, но это уж они переусердствовали: кость, очень быстро выяснилось, не только не перебита, но и не задета. Осколок как-то так ворохнулся, что кость не затронул, а вот мягкие ткани разворотил изрядно – порвало, перекрутило, кровь пошла в мышцы, а это само по себе

не есть хорошо. Но методика чистки таких ран давно отработана. Делается несколько разрезов, как бы послойно... Ну, это неинтересные подробности, не в них дело...

Короче говоря, в ходе разрезов и иссечений настал такой момент, что полностью открылся взгляду участок кости: длиной около десяти сантиметров, шириной – три-четыре...

Это сейчас может показаться, что у меня было много времени для наблюдения этого невероятного зрелища. Но я просто-напросто рассказываю долго. А тогда все продолжалось хорошо если полминуты.

Промокаю поверхность от крови – и вижу... По всей поверхности кости, по тому участку, что доступен для обозрения, идет этакая сетка. Похоже на татуировку по коже, но какая на кости может быть татуировка или рисунок? Весь участок кости покрыт этой сеточкой: геометрически правильной, чертовски правильной, идеальной, можно сказать. На белой кости она выделяется четко: пепельного, серого цвета. Ячейки ромбовидные, стороны чуть-чуть вогнуты. Сложите два пальца каждой руки, любые, хотя бы указательный и большой, потом сдвиньте кончики. Вот-вот. Останется пространство наподобие ромба с вогнутыми сторонами. Очень похоже. И размер немногим больше. На пересечениях линий будто бы пупырышечки, едва заметно выступающие над сеткой. Такая вот картина.

Настоящей запарки еще не было, и кое-какое любопытство у меня появилось. Очень уж все было неправильно. Не должно у человека на поверхности какой бы то ни было кости быть этакой вот геометрически правильной сеточки, узора, словно бы нанесенного механическим устройством. И последствием какого бы то ни было ранения это зрелище оказаться не может. Невозможно представить, как такое могло бы получиться в результате ранения. Диковина невероятная.

Я промокнул участочек, потрогал пальцем – в хирургической перчатке, конечно. Это не краска, не копоть, не ожог, просто кость покрыта этим чертовым рисунком, и все тут. Попробовал кончиком скальпеля, осторожненько, аккуратно – опять-таки ни крупиночки не отслоилось. И эта сетка уходила под неповрежденную мышечную ткань – это я потом убедился, когда делал разрез.

И что? А ничего. Нет времени разглядывать эту диковину, некогда любопытство тешить, надо делать новые разрезы, закладывать в рану пропитанные марганцовкой тампоны – это чтобы не допустить особого вида инфекции. Есть микробы... Впрочем, и это отношения к делу не имеет.

Очень скоро под тампонами и перевязками уже не видно было этой странной сеточки. Закончили мы быстро, и капитана унесли в палатку послеоперационных. А на стол ко мне уже клали следующего, с пулевыми ранениями легких, тут уж ни о чем постороннем и думать было некогда...

Собственно, это и все. Странная, неправильная сеточка-узор на кости, которой, с точки зрения науки, просто-напросто не полагается быть. Никогда прежде подобного в научной литературе не фиксировалось. Костные наросты и шипы – это совсем другое, никакого сравнения. Непонятный, геометрически четкий узор, неотъемлемая часть кости... Такого не бывает. Но я это видел своими глазами, пусть и очень недолго. Нельзя, конечно, ничего утверждать, но у меня осталось впечатление, что вся его бедренная кость была покрыта этим непонятным, странным, правильным узором. А может, и в с е кости.

Что дальше? А дальше и начался тот самый наплыв, когда ухаиваешься так, что перестаешь соображать, сколько времени прошло, скольких прооперировали и вообще на каком ты свете. Начался жуткий конвейер, когда за великое счастье считаешь, если удастся вздремнуть часок или вытянуть папироску. Ну, или глоток спирта пополам с крепким чаем – помогает... Ничего вокруг: только кровь, кости, рваное мясо, инструмент...

И закрутилась эта адская карусель чуть ли не на трое суток – ну да мне к тому времени было не привыкать. Потом улеглось: наступление закончилось, дивизия стала закрепляться

на новых позициях, немцы, соответственно, срочно строить оборону. И когда я немного ото-спался, любопытство все-таки взяло свое.

Или не любопытство? Я еще до войны напечатал несколько статей, подумывал о диссер-тации, но сорок первый все перечеркнул. Попытался выяснить, что можно было. И ничего не получилось. Капитана к тому времени уже эвакуировали в тыл. Все по правилам: когда врачи окончательно убедятся, что нет ни инфекционного процесса, ни воспалительного, ни газовой гангрены, прооперированного нужно отправить в эвакогоспиталь. Больше ему здесь находиться ни к чему, да и время такое, что каждое койко-место на счету.

Ни имени, ни фамилии, ни его воинской части никто не знал. Когда раненым занимаются на переднем крае, заполняют так называемую «медицинскую карточку передового района». Там стояло только: «капитан-артиллерист, осколочное ранение бедра». Ясно, как это следо-вало понимать: никто из тех, кто его выносил и делал первичные перевязки, не знал фамилии. Видели капитанские погоны с артиллерийскими пушечками – так и написали. Сам он должен был быть без сознания. А документов при нем не имелось. В этом никак не следует видеть что-то странное. Документы он мог оставить у себя в блиндаже. Их могли сгоряча выкинуть вместе с отрезанной штаниной, где они и лежали в кармане. Наконец, хотя об этом противно говорить, бумажник мог стянуть и санитар. И такое случалось, если откровенно. Обычная картина что для наступления, что для обороны: части перемешались, капитана подобрали те, кто его не знал. Сплошь и рядом случалось.

Одним словом, ни следочка. Самый обыкновенный на вид мужчина, под сорок, лицо ско-рее славянское, гимнастерка ношенная, типичнейший фронтовик. Но и теперь, как профессор и доктор медицинских наук могу сказать со всей определенностью: я не знаю, что это было такое. Никто никогда и не слыхивал о костях, покрытых странным, четкой геометрической формы узором, словно бы составляющим с ними единое целое. Болезни, способные вызвать такое, неизвестны. О мутациях говорить несерьезно – поскольку нет объекта исследования. Никаких предположений выдвинуть невозможно. Тупик. Кто он? Почему? Откуда? Как? Ответов нет.

Я просто-напросто это видел своими глазами. Ручаюсь...

Неприятный дед

Было это день на пятнадцатый войны, точно не припомню. Отступали мы давненько, вся наша тройца. Я вот именно такое слово и буду употреблять – отступление. Потому что когда трое погранцов двигаются с четкой и конкретной задачей – найти наконец место, где стоят какие-то заслоны, где есть сборные пункты и идет формирование частей, где наконец-то можно попасть на пограничное начальство – это именно что отступление с конкретной целью. А не так, когда толпы народу из разных родов войск драпают сами не зная куда, лишь бы подальше на восток.

Мы к этому времени уже перестали думать и гадать, как все происходящее понимать: где главные силы, почему не разворачиваются, а немцы прут как хотят. Смысла не было. Ответа нам никто не мог дать, так толку-то перетирать из пустого в порожнее? Лучше уж нацелить себя на одно: идти вперед и надеяться, что найдем нужное. Поставить себе задачу, и – марш-марш вперед, рабочий народ...

Двигаться мы старались боковыми дорогами, так сказать, переулочками, не замешиваясь в общую массу. Меньше шансов попасть под бомбежку – немцы по головам ходили. С другой стороны, как раз окольными дорогами немцы и пускали разведку, а то и крупные силы. Ну, это уж как повезет. Местность тянулась лесистая, танки или автоколонну слышно издали, да и не заметили мы у них желания рыскать по лесам: прут себе и прут. А обернуться может по-всякому: попался нам на глухой дорожке один-единственный мотоцикл с тремя гансами. Всего оружия и боеприпасов у нас и было, что мой наган с двумя патронами. Оба потратил на колеса, ну а потом, когда они кувырнулись... справились и так, благо один из них сразу шею сломал. Пограничники как-никак. Не первого года службы. На заставе... Ну, на заставе мы сделали все, что могли, уж честное слово.

В общем, разжились автоматом, двумя карабинами и кое-какой жратвой. Мало ее, правда, оказалось, ну да лучше, чем ничего. В первую голову, конечно, была идея сесть на мотоцикл и лупануть, насколько бензина хватит. Запасное колесо у них, аккуратистов, имелось. Вот только мотоцикл, пока кувыркался, переднюю вилку и руль угробил совершенно. Так что двинули в пешем строю, стараясь и от проселочных стежек подальше держаться. Хуже всего было не под пулю попасть, а в плен. Тут бы они нам и выписали со всем усердием: дураку ведь ясно, как мы себе, такие brave, немецкое оружие раздобыли. И потом, к тому времени мы уже малость слышали, что пограничников они, гады, стреляют на месте. Очень уж их душевно встретили на границе погранвойска товарища Берии, озлились они на нашего брата. Фуражек, конечно, ни у кого уже не было, черт упомнит, куда и делись в горячке, но зеленые петлицы – вот они, у каждого на воротнике. А спарывать... Хрен вам с присвистом и с поворотом! Еще скажите, документы закопать...

Скудненького немецкого сухая, как ни растягивали, хватило на два дня. И шагали мы дальше под веселое урчание кишок. Деревень в тех местах не было, больше хутора. Диковатые места: совсем неподалеку Полесье, вовсе уж глухоманные края. Да и окажись там деревня, еще подумаешь сто раз, заходить или нет. С одной стороны, мы этих самых белорусских братьев освободили от гнета белопанской Польши. С другой – и двух лет не прошло, как освободили. Разный был народец, к иному и светлым днем спиной поворачиваться не стоило. Поди догадайся, угнетенный это белорус или польский кулачина, которых тут специально селили как надежную опору на местах панской власти. Я здесь служил с того самого момента, как в октябре тридцать девятого поставили настоящие заставы, всякого насмотрелся и в текущем моменте разбираюсь...

А главная загвоздка – карта наша, уцелевшая за голенищем после всех передраг, кончилась. Вышли мы давно за пределы родного приграничного района и топографию здешнюю

представляли плохо. Точнее говоря, не представляли вовсе. Мы же больше проселками, а там указателей как-то не водится. Разве только там и сям на росстани стоит распятие с Христом – но он же не скажет...

Но уныния не было. А если у кого и было, держал он его при себе в закоулках организма...

И вот вышли мы на открытое место. Обширная такая равнина, лесами окруженная. Обойти ее лесом ничего не стоило, всего-то пришлось бы сделать крюк километров на несколько, но в том-то и штука, что посреди равнины той – хутор! И проселочная дорога через него проложена, и поле засеянное, очень даже приличных размеров, и дом добротный, и всякие постройки...

Наблюдали мы за ним с опушки долго. Тут уж осторожность не помешает, потому что с первого взгляда ясно: голодранец на таком хозяйстве обитать не может. И хлеба столько засеять, и свеклы – тут не обойдешься без наемной рабочей силы, лошадок и прочего. И голову ломать не стоит: осколок кулачества, до которого так руки и не дошли. Если бы дошли, не стояли бы сейчас такие хлеба, и свекла, и картоха. Видно, что как обитал тут одиноличник, так и обитает. Правда, за все время, что мы проторчали на опушке, так и не увидели на хуторе ни человека, ни животины, дымок из трубы не идет, белье, правда, во дворе сохнет, но мало ли с каких пор? Сбежали, что ли?

И чем дальше я наблюдал за этим справным хутором, тем больше убеждался: туза мы себе к десятке не прикупили, но положительная сторона имеется. И не одна. Во-первых, ни следа немцев. Не проезжали они здесь: ни следов танковых гусениц, ни автомобильных шин на пыльном проселке не видать. Во-вторых, у таких вот куркулей погреб обычно битком набит разнообразными вкусностями: тут и колбасы, и смалец, и окорока... да чего там только нет! Видывал я здесь подобные погреба, имею представление. И даже если они сбежали все поголовно, полностью свои закрома уж никак не опустошили. Ну а дальше – пример по математике для первого класса: сколько будет дважды два...

Мыслями этими кратко поделился с Галибом и Фомичевым. И они с моими соображениями согласились быстренько: не потому, что я старшина и командир нашего крохотного подразделения, а оттого, что тоже не первогодки, Галиб вдобавок сверхсрочник. Ничего им разжевывать не надо, сами знают, как из топора суп варить. А тут не топор, тут богатый хутор...

Ну мы и двинулись – не напрямик через поле, а по проселочной дороге, что проходила у самых хуторских ворот. Скомандовал я подтянуться, принять бравый вид, идти в ногу и глядеть орлами, насколько получится убедительно. Соображения тут были самые нехитрые: если на хуторе все же кто-то есть и наблюдает за нами откуда-нибудь из-за занавесочки (а на дороге нас видно, как мурашей на белой тарелке), то пусть себе уяснит: не босота какая-нибудь бредет, безрадостная и себя потерявшая, нет, все наоборот, бравенько и бодро продвигается группа военнослужащих, ни на лицах, ни в облике не носящая признаков уныния и безнадёжности. Психологический расчет, как сказал бы замполит. Ну, запылились, пообтрепались, сапоги имеют тенденцию к скорому расползанию по швам – ну так война... Главное, шагаем вполне даже браво и целеустремленно. И откуда ему, засевшему, знать, кто мы такие – может, очередные драпальщики, а может, передовой дозор и совсем неподалеку за нами продвигается солидная воинская часть. Вот уж чего я не видел на таких хуторах, так это радиоприемников и газет. О положении дел и общей обстановке должен знать не больше нашего – тем более что ни тому, ни другому и названия-то не подберешь с ходу...

Мы, конечно, держимся бдительно – на тот случай, если нас вздумают из которого окна угостить свинцом в медной оболочке, готовы рассредоточиться и со всей осторожной ухваткой бывалого солдата идти на штурм. А куда же еще? Прошли примерно две трети от леса до хутора, выгоднее уж это кулацкое гнездо атаковать. Патронов у нас не особенно богато (правда, четыре немецкие гранаты имеются – ну да и там, надо полагать, не дот).

По спине, однако, легонький холодок – мы ж у них как на ладони... Но, с другой-то стороны, ни одна занавеска не колыхнется. Ага. Пес забрехал, цепью гремит, захлебывается – учуял наконец, мы ж близко уже... Но все равно занавески не колыхнутся. Идем к распахнутым настежь воротам в полный рост. Свинарником запахло, навозом лошадиным, но что-то тишина на подворье совершеннейшая, и никакой живности не видать, даже мелкой пернатой. Один только цепник заливается, здоровая тварь, косматая, на хрип исходит. А ведь, пожалуй, что мы мимо него в дом пройдем, цепь коротковата, не достанет, а порвать он такую хрен порвет... ну да если и порвет, ему ж хуже выйдет...

– Ну, ребята, – говорю, – будем вежливы, не шляхта, чай...

Вынул я наган из кобуры (ни одного патрона к нему не осталось, но все равно на меня записан), постучал рукояткой по воротине и заорал:

– Есть кто живой, люди добрые?

Пес так заливался, что вряд ли меня было слышно в доме – но тут уж, как говорится, главное – вежливость соблюсти. Честью представились, мол... А могли и по окнам из винтовочки для пущей доходчивости. Великое дело – приличия.

И точно как по сигналу распахнулась дверь, появился единичный экземпляр человеческой породы мужского пола и стал спускаться по ступенькам – без замешательства, с этаким хозяйским достоинством. Идет к нам с таким видом, словно и не замечает, что его Галиб, так, якобы невзначай, на прицеле держит – не то чтобы винтовочку нацелил, но дуло аккурат смотрит на хозяина. Галиб у нас был особо недоверчивый, это его качество нам потом жизнь спасло, но это уже другая история...

Кряжистый такой мужик, одет не паном, но справно, и сапоги начищены. По виду вроде бы дед, бородища не хуже иного веника, да вот седины ни в ней, ни в волосах что-то не видно. Так что вполне может оказаться, он мне едва-едва в отцы и годится, какие там деды. Знал я этот местный финт с фокусом. У белорусов, знаете, как-то так уж суждения устроены: если борода – значит, непременно дед преклонных годочков. Вот некоторые хитрованы и пользовались: отрастит бороду до пояса – дед я, дед, уж с ярмарки еду, какой от меня, божьего старичишки, вред... А доведись до переделки, этот старче божий, если ты лопухнулся и боевому самбо не учен, шею свернет, как куренку...

Вот и этот, похоже, из таких. Нет у него ни в осанке, ни в движениях особенно уж пожилой незграбности, как тут выражаются. Крепок, черт. И взгляд неприятный, очень даже. Но мне с ним, в конце-то концов, не детей крестить, главное, оружия при нем не видно. И вот теперь уж, если в доме есть кто с оружием, палить они уже не станут – могут запросто и этого бдюка срезать, я ж специально так держусь, чтобы им от окошек прикрываться...

– Здравствуйтесь, – говорю, – хозяин.

– Здравствуйтесь, пан военный, коли не шутите, – отвечает он вроде бы вежливо, но с явно присутствующей насмешечкой.

Вообще, что-то не заметно в нем ни страха, ни тем более униженности. С чувством собственного достоинства куркулек. А ведь пожил на свете достаточно и должен понимать: в нынешней неразберихе, когда власть и порядок нужно искать за сто верст с фонарями, жизнь его копейки не стоит...

«Интересно, – думаю я, – ты и перед польскими жандармами так же нос задирали или все же картузик снимал? Ну, да некогда о таких высоких материях...»

– Немцы поблизости есть? – спрашиваю.

Посмотрел он на меня опять-таки не без подковырочки и спокойно говорит:

– Пока что не было. Но вскорости, я так полагаю, появятся. Очень уж они быстро катят...

По-русски он довольно чисто балакает, хотя словечки местные и вставляет. По моим первым впечатлениям, это все же не лях, а белорус – что, впрочем, может нашего положения и не облегчить...

Он с этаким невинным, как у малого дитятки, видом спрашивает:

– Пан военный ищет немцев?

– Пан военный, – говорю я так же спокойно, чтобы не думал, пень хуторской, будто меня так легко вывести из равновесия, – в первую очередь ищет, что бы поесть. Проголодались, знаете ли.

– Еда денег стоит, – говорит этот куркуль. – Особенно в такие хлопотные времена. Хотя если так себе подумать и рассудить... Нынче за еду и денег брать не стоит: поди угадай, какие деньги завтра будут иметь хождение и чьи, а чьи обернутся бумагой...

Вижу краешком глаза, Фомичев начинает закипать. Но я ему взглядом приказал не рыпаться. И говорю:

– Так ведь и на промен ничего не имеем, пан хозяин... Придется уж вам благодетелем побыть. Благо нас не рота и даже не взвод, а всего, как видите, трое. Быть не может, чтобы на таком богатом подворье лишнего куска не нашлось...

– А завтра взвод придет, – говорит он этак задумчиво, словно сам с собой разговаривает. – А там и рота. А то и немцы. И останутся четыре голые стены...

Я не захожусь. Стою и даже улыбаюсь ему благожелательно, будто неведомо какую мудрость слушаю. Спросил только:

– Давно в этих местах обитаете?

– Да уж годочков полсотни.

Я, вовсе уж лыбясь, говорю:

– Ну, тогда многое должны помнить...

Вот именно. И революцию он должен помнить, и Гражданскую, и несчитанных атаманов, и наши с поляками войны, и банды, которые уже после войны тут шастали. А главное, должен помнить, что в такие времена у кого на плече стрелялка – тот и пан...

Я на него голос не повышаю, и автомат у меня на плече висит свободно. Гляжу ему в глаза с улыбочкой, вот и все – и улыбочка у меня, что греха таить, отнюдь не дружелюбная. Но в том-то и штука, что так – выгоднее. Орать и тыкать дулом в рожу – не самый лучший метод. А вот если человек видит, что ты не суетишься, не дергаешься попусту, а стоишь себе, как монумент, твердо уверенный добиться своего – это на умного даже сильнее действует, чем карабин под носом. Многократно проверено на опыте.

А он умный, это видно. И тактику мою понял, и меня.

Цыкнул на пса вроде негромко, но так, что тот кубарем в будку влетел, отступил на шаг, рукой повел:

– Ну, пожалуйста, паны военные. Что-нибудь да найдется.

Вот вам и мирное разрешение конфликта. И лицо он как бы сохранил, что в прямом, что в переносном смысле, и мы не тратили ни нервов, ни патронов...

Идем по двору. Тишина полнейшая, ни малейших признаков присутствия домашней живности. Хоть бы какой заваливающий куренок по двору болтался или свинья хрюкнула. А дождей давненько уже не было, пылища во дворе обильная накопилась, и на ней куча разнообразнейших следов и от колес, и от копыт. Ну, я ж старый пограничник, мне следы читать положено не хуже, чем индейцу в романе, и у меня понемногу начинает складываться версия. И окончательно она укрепляется, когда в доме встречает полная тишина: никаких чад и домоладцев любого пола и возраста. Ну, логично...

Сели мы в горнице – большой, просторной, на два окна. Посмотрел я на стену, а там висит здоровенная фотография, сразу видно, старых времен: этакий ухарь-солдатик царской армии, усики закручены, бескозырка со всем шиком набекрень сдвинута, на груди Георгиевская медаль. Определенно говорить трудно, но есть с хозяином нечто общее. И сдается мне, что это он ее для немцев вывесил, зараза, – поляки у себя, я точно знаю, этикие реликвии славного прошлого отнюдь не приветствовали, да и при наших лучше бы в чулане подержать...

Возвращается наш бородач, несет кое-что. Ну, с первого взгляда ясно, что хитрый черт поступил по принципу: «на тебе, боже, что самому негоже». Сало желтое, запрошлогоднее, луковицы квелые, колбаса домашняя, издали видно, давненько лежала, хлеб, как тут же и выяснилось, подчерстанный. Ну да в нашем положении не до привередливости, мы и эту заваль так рубанули, что за ушами затрещало. Смотрю, несет бутылку самогонки. Посмотрел на меня, ухмыльнулся в бороду и, ни слова не говоря, плеснул себе чуток в стакашек, выщедил. «Ах ты ж, – думаю, – хитрован!» Я как раз подумал: «А чего тебе стоит, дядя, туда плеснуть какого-нибудь крысомора?»

Ну, и мы приняли по стакашку – небольшому, потому как увлекаться в нашем положении не следует. Достал он кисет, скрутили мы по сигарке, и жизнь показалась вполне веселой.

Кивнул я на фотографию:

– Никак ты, хозяин?

– Ну, – говорит он довольно равнодушно.

– Геройствовал, значит? Медаль заслужил...

– А... – махнул он рукой. – Толку-то от нее...

Я спрашиваю:

– Ну а потом за кого воевал, кавалер?

– А за хозяйство, – говорит он и рукой вокруг показывает. – Исключительно за него. А за хозяйство, хлопец, воевать тяжелее всего. Потому что то и дело шастают туда-сюда всякие вояки, и каждый норовит пограбить. Все равно, звезда у него на шапке, орел одноглавый, а то и вовсе никакой воинской эмблемы...

– Но ведь поднялся, я вижу? – говорю я.

– Ну, – отвечает он. – Только душу в угольки пожгло. Напрочь. А теперь опять начинается... Я вас, красных, не обессудь, не так чтобы и люблю, но немец еще хуже. Помню я немца... Ты вот шмат сала уплел, другой в карман сунул с парой цибуль – и ушел восвояси. А немец, чтоб ему, грабит аккуратно, как все, что делает. Под метелочку...

– Ага, – сказал я. – То-то у тебя на дворе пусто, как в перевернутой макитре... Всех, кого мог, наладил живность увезти и, надо полагать, из амбаров все подчистил?

Он в бороду хмыкнул:

– Догадался?

– Сложил то да это, – сказал я. – К следам от телег присмотрелся, да и коровьи копыта четко отпечатались... Колеи глубокие, значит, нагружены телеги были так, что оси трещали...

Он ухмыляется:

– Соображаешь... Там... – ткнул он пальцем этак неопределенно, – за Вермянским бором, такие болота начинаются, что, если не знаешь тропинок, в жизни не доберешься до сухих мест. До-олго сидеть можно... Пока не кончится вся эта завируха. Они ж, германцы, непременно у меня какой-нибудь штаб устроят. Место удобное. Это в той стороне – Вермянский бор, лешева глухомань да болота, а вон там – Ружанский шлях, большая дорога. Знаю, учен... В польскую войну у меня жолнежи штаб устраивали, потом ваши, красные, потом опять жолнежи, даже атаман Струк однажды располагался...

Пришло мне в голову, что пора кончать с пустой болтовней. Нужно, раз уж случай подвернулся, подробно порасспросить его об окрестностях – мы их не знаем, а он знать должен отлично. И главное, выспросить, где этот Ружанский шлях. Чтобы держаться от него в стороне: раз большая дорога, там непременно поперет немец, если уже не попер. Немецкую тактику мы уже успели изучить на своей шкуре: прет, сволочь, по главным дорогам, где вольготнее всего танкам и автотехнике, в глухомань не заворачивает. А мы с ребятами сейчас, как оказалось, вовсе не в глухомани, наоборот: если у него на хуторе столько раз штаб устраивали и наши, и ляхи, и даже зеленые, значит, поблизости непременно должны были передвигаться неслабые массы войск. Штабы всегда на бойком месте разворачивают. Одним словом, засиделись мы

тут, определенно. Нужно порасспросить как следует об окрестных дорогах, о прилегающей местности – и уносить ноги, пока...

Хорошая мысль приходит опосля! Расслабились, блин!

Поздно мы услышали стрекот мотоциклеток, поздно... мы все трое к окнам – а они уже катят из леса, по проселку, той самой дорогой, что мы сюда пришли. И никакая это не разведка, а движется воинское подразделение, пожалуй, не менее роты: мотоциклы с колясками, пулеметы торчат, целая колонна, вон грузовичок показался, потом еще мотоциклисты, потом ихний кургузенький вездеход, утюжок этакий...

И сколько же человек передумать может за считанные секунды!

Сначала я себя матернул за то, что не поставил часового. Потом решил, что виноватить себя не след: любой часовой их заметил бы в последний момент. А до ближайшего леса нам чесать километра два чистым полем. Мотоциклы догонят вмиг, могут и не пострелять, а забавы ради в плен взять. Ну и увидят зеленые петлицы.

Могут, конечно, проехать мимо, но что-то сомнительно. Любой толковый командир в наступлении хоть бегло, да обыщет этакое отдельно стоящее строение: а вдруг тут либо засада, либо просто отступающие ховаются?

Осторожничают, ага. Колонна пошла медленно, только трое мотоциклистов рванули вперед, к хутору. Ну, грамотно. В случае чего развернут боевой порядок и устроят тут... А наш последний и решительный бой по скудости боезапаса против превосходящих сил надолго не затянется...

– В погреб надо или на чердак! – орет Галиб шепотом.

– Вздумают шарить – везде заглянут, – говорит наш космач преспокойно. – Немец – он аккуратист...

И ведь прав, зараза... Это в приключенческих романах замки со всякими тайниками, а тут какие тайники? Полезут, мигом наткнутся...

– Сдаваться будете или как? – спрашивает хозяин деловито. – Вам против них минутку-то и постоять...

– А наплевать, – отвечаю я. – Живыми не получат.

– Тут-то они мне хозяйство и пожгут.

А мотоциклетки уже совсем близко. Возле ворот. Смотрю я на своих ребят – на лицах у них та же смертная безнадежность, что, подозреваю, и у меня. Жить-то охота, но, похоже, не получится...

– Стойте здесь, – говорит хозяин. – Обойдется.

И что он делает? А лезет он в комод, вытягивает ящик – шуфляду, как здесь говорят, – и вижу я там кучу мешочков неизвестно с чем. Порылся он, выбрал один, развязал, достал оттуда пригоршню чего-то крошеного, сушеного – похоже на табак, но не очень, и корешки там какие-то, и ягоды сушеные, и крошечные узелки тряпочные... Прошел поперек комнаты, от стены к стене, согнувшись, аккуратненько так сыпя эту свою крошенку, будто по линейке – и бормочет что-то и вроде подтанцовывает, и отчего-то у меня по спине холодок прошел...

Вот так поделил он горницу ровно пополам: на одной половине мы, стол с недоеденным да окно, на другой – комод, бородач долбаный и второе окно.

Поворачивается к нам и говорит спокойно:

– Только стрелять не вздумайте, воители... Обойдется. Не увидят они вас.

Во дворе пес залился. Короткая очередь – и тишина настала. И слышно уже, как сапоги грохочут на крыльце, дверь рванули... Переглянулись мы. Я говорю тихонько:

– Не раньше, чем я начну...

– Не вздумай, – говорит хозяин. – Не увидят они вас.

Ничегошеньки я не понимаю и даже не пытаюсь. Одно в голове крутится: «Ну зачем устраивать этот цирк с крошенкой зазря?» Вынул я гранату из-за пояса, свинтил с рукоятки

колпачок, взялся за колечко на веревочке – теперь только дернуть... У немцев, правда, замедление взрыва дольше, чем у нас, ну да если что, выскочить не успеют, а я еще очередь пустить смогу... Окошко маленькое, вышибить его нетрудно, да вот протискиваться... Да и смысла никакого: они ж при первых выстрелах или гранатном разрыве моментально дом оцепят – два года воюют, должны соображать что к чему...

И вот стою я с гранатой в руке и чувствую себя чуточку странно: осознаю в себе неправильное спокойствие. Нервы натянуты, конечно, но все же нет полного ощущения, что вот сейчас все для меня на этом свете и кончится. Получается, будто я и вправду верю в эту дурацкую травку, верю, что все обойдется... А этот, бирюк косматый, стоит так уж спокойно, в себе уверенный – может, от него я спокойствием и заразился...

И вот оно! Вваливаются двое с карабинами наизготовку – это сейчас в кино у них у каждого автомат, а в жизни они с винтовками больше... Рукава закатаны, кителя расстегнуты до пупа – жарница неслабая стоит, – и по хваткам видно, что эти мордвороты не вчера призваны, повидали кой-чего. Несуетливые такие, хваткие. И смотрят они исключительно на хозяина, а в нашу сторону и глазом не поведут, как будто нас нету! Ну вот нету тут нас, и точка!

Потом заходит третий, тоже пропыленный, небритый, с мотоциклетными очками на фуражке. Ага, офицер, обер-лейтенант – нас давненько начали учить разбираться в их знаках различия и всем таком прочем. Вряд ли старше меня, я так полагаю (мне в то лето двадцать восемь стукнуло). От пуговицы кителя у него красная ленточка – ага, это мы тоже знаем, Железный крест второй степени: повоевал, нибелунг...

А уж форсу в нем – мама родная! Прямой, словно аршин проглотил, подбородок задрал, руки за спину заложил этак барственно, оглядывается, словно к диким папуасам попал. Руки чешутся невероятно, так бы и шархнул в упор, меж нами метра два, не больше.

Только – нельзя. Потому что и этот нас не видит. В упор, как говорится, не видит. А видит он, такое у меня предположение, самую обыкновенную стену, такую же, как остальные, обитую повыцветшими бумажными обоями. Только такой из его поведения и можно сделать вывод.

Что-то он коротко приказал – и солдаты пошли дом осматривать. Хозяин, сука гладкая, на сей раз картузик свой сдернул со всем почтением, и в спине малость прогнулся. Чует силушку, гнида, это ж ему не мы...

Обер-лейтенант усмотрел наконец фотографию, оживился чуточку, ткнул в нее стеком:
– Ду?

Это я с моим кое-каким знанием немецкого понимаю: он спросил «Ты?» Хозяин закивал и, к некоторому моему удивлению, отвечает на корявом немецком: «Так точно, господин офицер, я и есть, рядовой императорской армии, девятьсот шестнадцатый год...»

Обер-лейтенант свысока роняет:

– Мой отец в ту войну был полковником... Откуда знаешь немецкий?

– В плену у вас был, – отвечает хозяин. – Там выучился немного.

– Это хорошо, – говорит обер-лейтенант все так же свысока. – Слуга должен понимать язык господина... Русских солдат не прячешь?

Тут хозяин, сделавши презлую физиономию, объясняет, что в жизни бы не стал красных прятать – потому как они, отступая, все амбары под метелку выгребли, всю скотину и прочую живность увели, кур подобрали всех до единой и припасы из погреба забрали чуть ли не подчистую. Грамотно лепит, стервец, не переигрывает, сокрушается в меру, хоть сейчас на сцену выпускай...

Тут вернулись солдаты, доложились. Офицер их отослал, небрежно махнув рукой, говорит:

– Солдат ты и правда не прячешь. Это хорошо. Мы, немцы, умеем ценить лояльность. К тому же ты был в Германии, видел европейскую цивилизацию... которая теперь пришла сюда, в вашу варварскую страну, – и усмехается: – Как мне доложили, большевики полностью твои

припасы не расхитили... Ты готов добровольно поделиться частью провианта с доблестной германской армией?

Наш космач этак умильненько:

– Господин офицер, да хоть все берите! Я с радостью! Спасибо за то, что от красных освободили!

– Я ценю твою лояльность, – кивнул ему немец небрежно. – Иди, покажешь повару, где у тебя провиант. Он отберет то, что не требует приготовления – задерживаться я не могу, у меня приказ... а интенданты отстали.

«Ну, – думаю, – коли уж карта поперла, так поперла. Останавливаться не будут, значит, скоро мы отсюда ноги унесем...» Оглянулся на своих – ребята оружие сжали так, что костяшки пальцев побелели, но ничего, спокойно, в общем, держатся, видно, что никто не сорвется. Лица у них не столько испуганные, сколько удивленные – да и у меня наверняка такая же физиономия. Ведь всего-то-навсего сушеная травка с кореньями и тряпочками по полу насыпана – а вот оно как... Не видят они нас.

Сколько времени прошло, не знаю. Как иногда бывает, показалось, что несколько часов, но вряд ли... Слышно, как возле хутора друженько заработали моторы, как они уезжают, удаляется шум... а там и тишина настала. По спине у меня пот ручейком протек. Справился я с собой, завинтил колпачок у гранаты – уже ясно, что обошлось.

Вскоре и хозяин вернулся, в самом скверном расположении духа: надо полагать, пощипали его изрядно, их тут было не меньше роты...

– Уехали? – спросил я.

– Уехали, – махнул он рукой. – Чтоб им на ровном месте... Повар ихний, боров, сообщает что к чему – все лучшее в мешки сгреб...

– Навидался ты, стало быть, европейской цивилизации, – сказал я.

– Навидался, – ответил он еще злее. – Еще тогда навидался, в плену. Это офицеры, их благородия, под честное слово в город шпацеровать ходили, театры ставили, посылки получали из России. А нас, серую скотинку, сплошь и рядом в телеги вместо лошадей запрягали... Не люблю я вас, уж не посетуй, а этих не люблю еще больше, с плена... Видел офицера? И ведь ничуть не изменились, твари, точно так же нос дерет и на тебя смотрит как на грязь под ногами...

Замолчали мы. Стоим. Надо бы его поблагодарить от всей души – не выдал, как-никак спас – но что-то у меня язык не поворачивается рассыпаться в благодарностях. Я ж прекрасно понимаю: не нас он спасал, а свое куркулье нажитое. Завяжись тут бой – не только хутор спалили бы, как пучок соломы, но и его, пожалуй, шлепнули бы за укрывательство. Так что побуждения у него были самые шкурные. И все равно – спрятал. Да как спрятал...

– Слушай, – говорю я ему и показываю на эту чертову крошенку. – Они что, стену видели?

– Ну, – буркнул он.

– А как это так?

– А вот так, – ворчит он в бороду. – Шли бы и вы отсюда, хлопцы? Не ровен час еще какие-нибудь нагрянут...

– Не беспокойся, – говорю я. – Нет у меня намерения тут рассиживаться, как фон-барон в балете. Пора и честь знать...

В общем, ушли мы. Собрал он нам на дорогу того-сего, такого же залежалого, самогону налил фляжку, насыпал табаку – ну, понятно, не по доброте душевной, а опять-таки после легонького нажима с моей стороны. Растолковал дорогу – и где-то так через полчаса мы уже шли лесом, подальше от Ружанского шляха. Долго молча шли. Потом только Галиб, комсомольский активист наш, говорит:

– Товарищ старшина, но ведь такого на свете не бывает! Колдовства, я имею в виду. А это, что тут думать, самое натуральное колдовство. Материализм...

Я только рукой махнул:

– Ты меня, кандидата в члены партии, не агитируй. Сам знаю, чем материализм отличается от мистики. Но ведь было? Не видели они нас, стену они видели... Вот тебе суровый факт.

А Фомичев проворчал:

– Оно бывает...

Вот такая история. Никогда больше я не был в тех местах, и никогда больше со мной не случилось никакой чертовщины. Только Фомичев прав: я и без него, с детства еще, слышал – бывает... Старики не врут. Разве что, они сами говорили, людей таких все меньше и меньше. Хотя наверняка и сейчас есть.

Но вот какво это было – стоять с немцами глаза в глаза, и они нас не видели – словами не объяснить...

Разговоры в дождь

Нет, со мной самим в жизни не приключалось никакой чертовщины, ничего сверхъестественного. Просто-напросто рассказал мне однажды один субъект интересную историю. Относятся к ней можно как угодно. За что купил, за то, как говорится, и продаю...

Было это уже после войны, в сорок седьмом. На Западной Украине, в захолустном, паршивом таком городишке. Я тогда служил в республиканском МГБ, и операция проходила, смело можно сказать, самая заурядная. Таких хватало и раньше, и потом. В том городишке как раз и помещалась явочная квартира ОУН, одна из многих в длинной цепочке, ведущей из Западной Германии, точнее, из американской оккупационной зоны. Тогда ведь не было еще ни ФРГ, ни ГДР, была Бизония, объединение американской и английской зон, а когда чуть позже к ним присоединилась и французская, это стало называться Тризония.

Квартиру эту наши в свое время выявили, хозяина аккуратно изъяли, а потом под убедительным предлогом поселили там его «родственника». Нет, не меня, вообще не нашего. Человеку со стороны те не доверились бы. Нужен был свой, и наши его нашли, поскребя по сусекам, так сказать. Мы к тому времени перевербовали не одного деятеля бандеровского подполья, так что определенный «кадровый резерв» у нас имелся. Те, кто курировал операцию, подыскали среди них старого знакомого прежнего хозяина, у «трезубов» считавшегося надежным и своим в доску: волчина был с приличным стажем, начинал еще в довоенной Польше, и никто не знал пока, что полгода назад он попался и был склонен к сотрудничеству. Ну, жить ему хотелось, как всем нам, грешным. А за ним по совокупности числилось столько веселого, что от стенки он мог спастись только добросовестным сотрудничеством с хорошими результатами. А поскольку я его с самого начала и вел, числился его опекуном, меня вместе с ним в ту дыру и захоронили. Для присмотра, естественно. Таких, сами понимаете, в одиночку опекать было бы слишком рискованно. А впрочем, и обитать с ним под одной крышей было не сахар – спать приходилось вполглаза и пистолет держать под рукой. С одной стороны, он нам уже сдал столько и столько, что стань про это известно его бывшим соратникам, они бы его неделю резали на кусочки. А с другой стороны, никогда не известно заранее, что может прийти в голову такому вот деятелю, когда он окажется на вольном воздухе, да еще в тех местах, где знакомства и связи у него черт знает с каких времен. Вполне мог решиться дать мне по голове и пуститься в бега, рассчитывая, что как-нибудь обойдется. Бывали уже печальные прецеденты. Одним словом, жилось мне напряжно, словно устроился обитать на минном поле. Нельзя было поворачиваться к нему спиной лишней раз – и нельзя было ему показывать, что я ему не доверяю. Вся подобная работа как раз на том и строилась, чтобы создать у подопечного впечатление, будто я ему не надсмотрщик, а чуть ли не друг-приятель. Старая методика, еще с жандармских времен, между нами говоря. Нужно было, чтобы он себя чувствовал не работающим из-под палки батраком, а прямо-таки равноправным сподвижником, мать его за ногу. Соответственно, и обходиться с ним следовало, если тут применим такой оборот, со всей галантностью. И в то же время он, паскуда, не должен был полностью забывать, как обстоят дела в реальности, должен был помнить, что обязан заслужить себе жизнь и свободу стахановской работой, и я ему все же не дружок старый, а курирующий его офицер МГБ. Одним словом, виртуознейше нужно было вести игру. Полагаю, не у всякого профессионального актера получилось бы: актер в совершенно других условиях пребывает. Адски трудная была работа – и вести с ним партию без сучка без задоринки, и не упустить момент, если он все же решит меня пристукнуть и дать деру. Ну, я как-никак был не новичок... Скромно уточняя, те четыре ордена, что у меня к тому времени уже имелись, были получены не за умение тянуть ножку на параде или писать гладкие бумажки для начальства. Имелся кое-какой опыт... вот только не следовало забывать,

что порой и люди поопытнее меня за случайную промашку платили жизнью, и хорошо, если одной своей. Короче говоря, та еще у меня была служба, да и времечко...

Ну ладно. Такие вот вводные. Обосновались мы на той квартире с Андрием... на самом деле никакой он не Андрий, но надо же его как-то называть. Ага, вот именно. Имечко со смыслом. В честь того Андрия, сыночка Тараса Бульбы.

Прожили мы там три дня – в обстановке вышеописанной игры. И жить предстояло еще с неделю – именно через неделю, по достоверным вроде бы данным, должен был заявиться курьер «центрального провода», как это у них называлось, – то есть главного командования. Следовало его принять со всем радушием, накормить-напоить и спать уложить, потом дать ему новые документы и отвезти в названное из-за кордона место. Скорее всего, там и была следующая явка, но это уже предстояло выяснять другим. А для этой явки нашими планировался ее демонстративный провал, о котором знал бы весь городок – с автоматчиками на грузовиках, осадой квартиры и перестрелкой, в которой нам обоим предстояло «погибнуть» и быть якобы в совершенно мертвом виде, прикрытыми брезентом, погруженными в те самые грузовики. Зачем это было нужно, мне никто не говорил – каждый знает ровно столько, сколько ему положено. На основании моего опыта полагаю, что дело могло быть в следующем: кто-то наверху хотел, «спалив» эту явку, посмотреть, где и как закордонные визитеры будут налаживать новые пути. Но это чисто мои личные предположения. Комбинации иногда крутились такие, что любой Дюма обзавидовался бы...

Погода тогда выдалась скверная: зарядил дождь на сутки и униматься вроде бы не собирався – и добро бы настоящий густой ливень. Нет, безостановочно моросила и моросила этакая мелкая водяная погань, дождя вроде бы и не видно, а выйдешь на улицу – уже через пару минут промочит до исподнего, и сам не заметишь, как это получилось. Мерзейшая была погодка...

Чем в такую погоду заняться, не имея никаких обязанностей, кроме как сидеть и ждать? Да разговорами, понятно. Правда, темы приходилось заводить с большим разбором: никак не стоило, например, вспоминать, кто из нас что делал в войну – поскольку были по разные стороны. И политики с идеологией не стоило касаться, дабы меж нами не возникало лишнего напряжения. Так что темы были самые отвлеченные. Вообще, общаться с ним было интересно: подопечный мой (подконвойный, так оно вернее) происходил из интеллигентной семьи (татусь у него был доктором), закончил неплохую гимназию, год успел проучиться в Львовском университете, прежде чем окончательно ушел в нелегалку, еще при поляках. Не от сохи парубок, и, если уж честно признаться, знаний у него в башке, пусть и повыветрившихся за военные годы, было побольше, чем у меня с моим училищем погранвойск и спецкурсами НКВД...

Зашел у нас разговор о женщинах. Без жеребятины, без смакования, кто кого когда и как. Скорее уж с философским оттенком: что такое вообще любовь, есть она или нет, до какого предела можно пойти, жертвуя чем-то ради женщины... И тому подобное.

Когда заговорили, бывают ли такие женщины, что остаются у тебя в сердце занозой на всю оставшуюся жизнь, Андрий мой вдруг помрачнел, помолчал, потом со странноватым выражением лица сообщил:

– Есть одна женщина, которую я до гроба не забуду...

– Что, – спросил я, – такая любовь была?

– Не было там ни капли любви, – сказал он вовсе уж мрачно. – Там другое... Только вы, пан капитан, все равно не поверите, хотя все именно так тогда и обстояло...

Скука, морось эта поганая...

– Ладно, – говорю я. – Расскажи. Может, и поверю.

Он и рассказал. Передаю, как помню...

«Обстановку в городе, пан капитан, вы сами должны прекрасно помнить, хотя и не были там тогда. Ваши серьезную оборону организовать и не пытались – уходили на восток, стараясь не задерживаться, даже когда по ним стреляли наши с чердаков и с крыш, большей частью

вяло огрызались на ходу и катили дальше. И власти ваши, и милиция, и НКВД чуть ли не поголовно тоже двинули на восток. В центре города вы еще держались, а вот окраины были уже целиком наши...

Вы меня сами допрашивали, что я тогда там делал – но про некоторые детали не спрашивали вовсе, они вам были совершенно ни к чему. Вот теперь про детали... Под командой у меня – вы вряд ли уже и помните – было десять человек. Обосновались мы комфортно: в симпатичном таком, небольшом двухэтажном особнячке посреди маленького парка. При поляках владел им один весьма преуспевавший зубной врач, из евреев. Когда пришли ваши, он куда-то пропал, вполне может быть, что ваши комиссары, несмотря на его еврейство, отнеслись как к буржую со всеми вытекающими последствиями... У вас ведь это просто... ну хорошо, политики касаться не будем. Когда началась война, обитал там какой-то партийный чин, драпанувший в страшной спешке – начал было чемоданы собирать, да так и не собрал, улетучился. Так что особнячок нам достался целехоньким, со всей обстановкой. Мы даже портрет Сталина не стали снимать, только, уж простите, ради смеха проковыряли дырочку под усами и вставили сигарку: нехай покуривает да посматривает на победителей...

Чем занималась моя группа, вы имеете полное представление, этого и поднимать не стоит...

Так вот, вышли мы к полудню втроем, на обход терена¹ – мало ли кто интересный может попасться. У меня было указание попытаться, если получится, заполучить кого-то интересного: командира в чинах, штабные бумаги, машину-радиостанцию – сами понимаете, где радиостанция, там и коды с шифрами, и военные радисты, люди информированные. Немцы вот-вот должны были подойти к городу, с ними шел наш батальон, а значит, и беспеха². Вот нам и поручили дело посерьезнее, нежели палить с чердаков по вашим отступающим колоннам – с таким любой Гриць от сохи справится, дело нехитрое...

Вот только нельзя сказать, чтобы нам особенно везло. Вы, наверное, согласитесь с такой сентенцией: хорошо большим начальникам в штабах придумывать наполеоновские планы, и никто не задумывается, как их будут выполнять на местах малыми силами. Молчите, да по глазам видно, что согласны, сами должны были с этим сталкиваться...

Оказались у нас в подвале пара лейтенантов, военврач да морской командир, которого неведомо как занесло в наши сухопутные края. Неинтересная мелкая рыбешка. Крупная рыба уходила в составе таких колонн, на которые нам и всем десятком не стоило задирааться. Ну, мало ли что, как оно оборачивается... Надежды я не терял.

Вышли мы из-за угла – и нате вам, шановне витаємо!³ Стоит посреди дороги ваш самоходик, маленький такой вездеход с поднятым капотом, возле него возится военный – вернее говоря, не столько возится, сколько чешет в затылке и тарашится под капот. Сразу видно: сопливый новобранец. Этакий огарочек, шея цыплячья, видимо, еще и не брился, всего форса, что танки на петлицах... А в машине – женщина. Молодая, красивая. Номера военные – нас насчет этого вышколили...

Ну, это все же лучше, чем ничего. Если уж дамочке выделили для бегства военный автомобиль, то это неспроста. Вполне может в двух чемоданах на заднем сиденье оказаться что-то поинтереснее дамского бельишка...

Подожли мы. Красотка нас явно приняла за своих – не подумала, что времена настали такие, при которых средь бела дня расхаживать по улице с карабинами на плече могут же и другие. Встрепенулась, просияла:

– Товарищи...

¹ Терен – район (польск.).

² Служба безопасности ОУН (СБ).

³ Душевно приветствуем (польск.).

Я ей вежливо улыбнулся и ответил со всей возможной гжечностью⁴:

– Товарищи, милая панна, на восток драпают. Те, кто жив пока...

До нее моментально дошло, помертвела. Шофер как стоял, так и стоит, только глаза вылупил. Так что взяли мы их без малейшего сопротивления и даже возни: панночку я вежливо взял под локоток и высадил из самохода, она от неожиданности и не дергалась нисколечко. Бравому танкисту Тарас сунул дуло карабина под нос – тот и обмер. Прихватили мы ее сумку, оба чемодана велели нести шоферу и через пару минут вернулись в нашу временную резиденцию.

С сопляком все определилось быстро: ну, водитель при штабе такого-то танкового полка, ну, полгода как призван. Указания у нас были четкие: предателей украинского народа из местных разрешается карать на месте, а вот военные и прочие понаехавшие москали – это уже держава. Таких предписано задерживать и передавать новой власти, которая придет со дня на день. Державное – державе. Мы не бандиты, во всем должен быть порядок. Так что сопляка, даже не давши разок по затылку, Дмитро увел в подвал к тем, кто уже там прохлаждался.

С панночкой я стал разбираться обстоятельно. Посадил в уголок под охраной Тараса, сам взялся за ее сумку, где и документов пачка, и фотографии.

Оказалось, не панночка – пани. Супруга товарища майора радецких⁵ бронетанковых войск: вот они на фото, как два голубка, товарищ майор браво челюсть выпятил, смотрит соколом... а самим, очень возможно, в какой-нибудь канаве черви питаются. Хотя нет, вряд ли, надо полагать, он только что самолично женушку на вокзал отправлял, что-то не похожа красотка на скорбящую, разве что перепугана, ну да неудивительно.

Фамилию не помню, простая какая-то, из ваших распространенных, а звали ее Надеждой. Двадцать четыре года – самый расцвет, подметим мимоходом. Комсомольский билет, ага, диплом врачебный, справки... в городской больнице работала до последнего дня... Ворошиловский стрелок, надо же! Боевая дивчина. Замужем четыре года, детей, скорее всего, не нажили – ни детских документов, ни ребенка в пачке любительских фотографий. В чемоданах, Дмитро быстренько перетряхнул, ничего интересного, с военной точки зрения, одни женские вещички.

Поскучнел я, со всем этим бумажным ворохом ознакомившись.

Жена строевого майора, гражданский врач... Ничего интересного. Согласно тем же указаниям командирских жен точно так же полагается считать державой и передавать новой власти. В подвал ее к остальным – и вся недолга...

В подвал – дело нехитрое. Только оставил я себе напоследок ее фотографию на пляже – позу приняла завлекательную, бесовочка, руки за голову закинула, улыбается, явно майор фотографировал. Купальник на ней, я сразу определил, из модного варшавского конфекциона, здесь купленный. Мода, правда, двухлетней давности, но далее она не развивалась, потому что «великая польская держава» приказала долго жить, так и не распространившись от моря до моря, как они себе мечтали... Какое уж там нынче в Варшаве развитие модного конфекциона...

Посмотрел я на оригинал. Фигурка, грудки, ножки – все по высшему разряду. Смазливенькая, слов нет...

Ну а мне всего-то двадцать восемь, кровь играет. Со своей так в жизни не поступишь – но тут же советка, жена оккупанта, два года начищенными сапогами топтавшего украинскую землю... И подумал я: «Ни в каких указаниях и приказах не сказано, чтобы доставлять таких новой власти абсолютно нетронутыми. Все равно такая красоточка долго нетронутой не проходит, едва попадет в беспекую, там ее и разложат, знаю я тамошних ухарей...»

– Ну что же, пани Надия, – говорю я. – Присаживайтесь к столу, поговорим о жизни и о ее сложностях...

⁴ Обходительностью (польск.).

⁵ Советских (польск.).

Она присела осторожненько напротив меня, спрашивает:

– Вы кто?

Я ей кратко объяснил, что мы не бандиты, а борцы за вольную Украину. Только она, как ни осторожничала, не удержалась от презрительной улыбочки: ну конечно, у нее идеологическая платформа другая, ничего удивительного. «Ладно, – думаю про себя, – нас называй как хочешь, это к делу отношения не имеет...»

Сам я ей улыбнулся исключительно вежливо.

– Ну что, – говорю, – Надийка, посмотрим, чему тебя муж научил за четыре года?

Надийка с искренним недоумением вопрошает:

– Вы о чем?

Я ей и объяснил простыми понятными словами, без единой непристойности, но предельно доходчиво. Как я и ожидал, красотка так и вскинулась: «Да как вы смеете, да я мужа люблю, лучше убейте, да ни за что...» Ну, вполне предсказуемо. От идеологии и не зависит, пожалуй что. Я же не такой циник, чтобы считать, будто на этом свете верных жен нет вовсе. Имеются в немалом количестве. Только не во всякой ситуации верность и сохранишь...

– Получается вовсе уж прекрасно, – говорю я. – Не с распутной девкой придется дело иметь, а с приличной женщиной, одного мужа меж ножек и допускавшей...

Она со стула так и взвилась, только Тарас не зря стоял у нее за спиной – положил лапы на плечи и успокоил на стуле, будто гвоздь в доску вбил. Не скажешь, чтобы верзила, но крепкий и силы немалой. Убедительный человечина.

Дмитро просунулся вперед из-за моего плеча и попробовал было ее на голос взять – но я его утихомирил одним взглядом. Уж этого-то сопляка я давно отмуштровал со всем усердием: зелен еще – поперед батьки в пекло. Девятнадцать годочков. Всех его боевых подвигов во славу независимой Украины только и есть, что пристрелил вчера на улице старого жида, да и то в спину. Пан Володыевский, тоже мне...

– Давай, Надийка, подумаем рассудительно, – говорю я ей. – Ну куда тебе против нас трех, неслабых? Все равно не отобьешься, положат тебя, держать будут. Только это выйдет грубо, некрасиво, и синяк под глаз заработаешь, и порвем на тебе все... Давай обставим все культурно: сама разденешься, сама ляжешь, и обхождение с тобой будет без малейшей грубости.

Ах, как она меня послала нежными губками! Кто бы мог подумать, что слова такие знает. Даже парочку польских отпустила – уж им-то могла только здесь научиться.

– Ах, Надия, какая ты прелесть... – сказал я искренне. – Вот такая вот, красная от злости, лающая, как драгун.

И кивнул Тарасу. Тот понял, достал свой ножик, не раз побывавший в деле, приложил лезвие ей к нежной щечке и заговорил – упаси боже, не повышая голоса, без единого грубого слова, спокойно так, рассудительно, будто читал вслух неграмотным холопам инструкцию по обращению с механической жаткой и хотел, чтобы разобрались и запомнили с первого раза...

Ох, убедительный был человечина... Постарше меня лет на пятнадцать, в Движении с двадцать пятого года. Досье на него в дефензиве в кирпич толщиной, и в жандармерии был пытан, и из-под конвоя бежал, и смертный приговор на нем заочный висел до самого конца польской государственности. И пострелял он всякой сволочи столько, что устанешь считать. По совести, быть бы ему командиром вместо меня, хотя и я за пять лет кое-чем отметился. Но такова уж его натура, что в командиры он не стремился никогда. Бывают такие люди: исправный солдат, отличный исполнитель, вполне довольный своим положением и не стремящийся выйти хотя бы в ефрейторы. Крестьянская натура. Хотя он, строго говоря, и не крестьянин вовсе – просто из закарпатской глуши, чабаном был, лес сплавлял. Серьезные ремесла, кстати, не для слабых...

Ну и вот он, человек поживший, прекрасно знал, на какой слабинке играть. Как поступить с мужчиной в подобной ситуации, вы, пан капитан, наверняка знаете досконально. А с

женщинами не приходилось? Нет... Сделайте зарубочку на память, мало ли как обернется. Иные женщины больше боятся потерять красоту, чем жизнь и честь. Инстинкт такой, что ли...

Вот Тарас ей, прикладывая к личику холодный ножичек, обстоятельно и растолковал, что он с ней этим ножичком проделает, если будет барахтаться. Жива останется, проживет, смотришь, еще сто лет – но от нее не только мужчины, лошади будут шараться.

И Надийку нашу проняло. Согласилась быть пайнкой. Выставила одно условие: чтобы к ней заходили по одному. Что меня вполне устраивало, да и остальных, думаю, тоже: мы же не какие-нибудь варшавские криминальные гембы⁶, чтобы из этого публичное зрелище устраивать...

В общем, наступил покой и согласие. Выставил я коньяк – ваш, кстати, отличный, армянский, мы в магазине реквизировали пару ящиков ввиду прекращения советской торговли и грядущей смены власти. Выпили мы по доброму стаканчику, налили Надийке – и она не отказалась, правда, по второму не стала.

Отвел я ее в спальню – бывшую докторскую, потом красного чина, а теперь мою, пригласил располагаться и вернулся к своим. Сбежать она оттуда не могла, на всех окнах первого этажа решетки прочные (очень опасался воров пан доктор, небедно жил). А если вздумает все же проявить гонор до конца, скрутить из разодранных простыней веревку да повеситься – не будет у нее столько времени, такие дела вмиг не делаются...

Мне вообще-то, как командиру, полагалось бы первому попробовать нашу красоточку – но Тарас, глядя в сторону, пробурчал:

– Друже командир, надо бы по справедливости... Жребием...

Будь это Дмитро, я бы его заткнул моментально. Но это ж Тарас. Фигура. Вот с ним портить отношения мне решительно не с руки. А обиду бы он затаил, точно. Потому-то по части прекрасного пола был не промах.

Разыграли быстренько и не мудрствуя – на спичках. И вышло так, что первым идти Дмитро, вторым мне, ну а Тарасу, соответственно, третьим. Я ничего не сказал, но про себя посмеялся: вот такое твое невезение, любитель справедливости. Не вылез бы со своим жребием, я бы тебя после себя пустил, вторым, а так настоишься в хвосте... Сопляк наш, предположим, наверняка отвалится быстро, много ли ему нужно, но я-то настроен с красавицей побаловать долго и обстоятельно... Тарас, видно, приуныл, но что тут скажешь – и жребий тянули честно, и предложил сам...

Выдал я Дмитро известный резиновый аптечный предмет и настрого приказал без него не работать. Мол, мало ли что от этой советки подцепить можно... Дурень даже растрогался от такой заботы командира о его юном здоровье – но я-то, признаться, о своем удобстве заботился, не хотелось мне, чтобы сопляк напаскудил ей там. Я-то сам намеревался без всяких аптечных штук, чтоб лучше ее чувствовать, красоточку...

Пошел он в спальню. Смотреть – смех и грех: держится орлом, а у самого поджилки дрожат. Может, вообще еще женщину не пробовал, орел наш боевой.

Налили мы с Тарасом еще по стаканчику, опрокинули. Тарас усмехается:

– Не ерзай, друже командир, хлопчик, чую, там не загостится. От одного вида, глядишь, фонтан пустит.

– Да я и не ерзаю, – отвечаю я. – Я и сам так думаю...

И точно. Не загостился...

Грохнула вдруг дверь – и вылетает наш доблестный юнец из спальни как бомба. Едва не полетел кубарем, но удержался на ногах. Вид у него – умора: штаны с трусами до пола спущены, ножонки тонкие, незагорелые... Потом присмотрелся я – что-то не то: глаза у него навывкат, белый, как полотно, трясется весь и даже точно зубами постукивает:

⁶ Уголовные рожи (польск.).

– Дядьку Андрий... Дядьку Андрий...

«Что за черт, – думаю. – Неужели успела повеситься? Да нет, он бы тогда сразу выскочил, а он там пробыл столько, что мы с Тарасом успели не спеша и по стаканчику опрокинуть, и по сигаретке выкурить...»

Подошел я, сделал соответствующее лицо и тихонько рывкнул:

– Я тебе не дядька Андрий, а друже командир. Уяснил? Штаны подбери и докладывай внятно!

Он кое-как, не глядя, натянул портки и как-то так скуляще говорит:

– Друже командир, це ж нечистая сила...

Причем заикается так, что я едва его понял – а прежде за ним такого не водилось. Переглянулись мы с Тарасом, плечами пожали. Спрашиваю я его холодным командирским тоном:

– У тебя что, со стаканчика коньяку разум помутился? Какая такая нечистая сила?

У него губы трясутся, зуб на зуб не попадает:

– Она... там... нечистая сила... зверь, а не баба...

Тарас хмыкнул:

– «Зверь, а не баба» – это ж даже хорошо... Ты, я так понимаю, возвращаться не намерен?

Дмитро головой трясет, кинулся к столу, льет коньяк так, что из стакана уже на скатерть потекло. Махнул я мысленно на него рукой и пошел в спальню.

Там все в полном порядке. Живехонька наша Надийка, лежит голая – статуэточка – и в потолок смотрит. Ох, дивчина! Долгонько Тарасу ждать придется, пожалуй что...

Подошел, присел рядом, помял ее грудки кругленькие, обстоятельно, без лишней поспешности, погладил там и сям, поласкал. Она не шевелится, не противится, только покосилась на меня с такой ненавистью, что дураку ясно: могла бы – убила бы. Ну, меня это нисколько не трогает, я ж не отвергнутый влюбленный, совсем другая у нас ситуация. «Ничего, – думаю, – жги взглядом, не сгорю. А ножки все равно раздвинешь, гордая. И попробую я с тобой все, что в немецких журнальчиках видел – каких вы с муженьком отроду не видели. Такую шлюху из тебя сделаю – пальчики оближешь...»

– Ну что, – говорю, – Надийка, пора ножки раздвигать...

Она раздвинула, все так же в потолок глядя. Лег я на нее... И сердце чуть не оборвалось.

Там, где только что было смазливое личико с кудрями по плечам, вдруг объявилась звериная голова, и тычется мне в рожу оскаленная волчья морда, шерсть чувствую щекой, мокрый звериный нос, клычищи в слюне, блестят, и все это так натурально и так доподлинно, что сердце в пятки ушло. А ноздри звериным запахом залепило.

Уж и не помню, как меня с постели снесло. Стою, как дурень, со спущенными штанами. Ошарашило меня нешуточно, но я ж не сопляк Дмитро, чтобы с визгом убежать. Белый день вокруг, большущий город, двадцатый век...

Посмотрел на нее – ни капельки звериного, личико прежнее, человеческое, очаровательное. Лежит и в потолок смотрит, даже ножки не свела. В голове у меня путается, но я с этим борюсь, как могу.

– Эй, – говорю я тихо. – Ты что?

Она медленно повернула голову, смотрит на меня враждебно, без малейшего страха. И отвечает:

– А что такое? Велел ноги раздвинуть – я и раздвинула. Что не так?

И снова в потолок уставилась. И такая она сейчас красивая, что какая бы завируха в голове ни творилась, а отступать я не намерен. Взял себя в руки, подошел, склонился над ней, опять грудки потискал, поцеловал. Не отвечает, но губы женские, теплые, приятные. Стал я на нее ложиться...

И снова тычется мне в лицо волчья морда, из пасти тянет вонючим звериным духом, клыки лязгают...

Вскочил я. Застегнул штаны и вышел, не оборачиваясь. Очень уж все натурально, и не могу я себя заставить пробовать в третий раз, хоть ты меня озолоти...

Грохнул я дверь, прошел к столу и налил себе от души. Тарас на меня смотрит исподлобья, очень внимательно.

– Что-то быстро ты, дружка командир, – говорит он без улыбки.

Выпил я, стукнул по столу пустым стаканчиком и говорю:

– Тарас, с ней и в самом деле чертовщина какая-то творится...

Он и бровью не повел. Встал, сказал спокойно:

– Посмотрим...

И ушел в спальню. Дмитро в уголке примостился, зубами уже не стучит, но вид у него такой, что ясно, сопляк себя потерял надолго. А у меня в голове одно крутится: «так не бывает...»

Тарас вернулся очень быстро. Сел к столу, вылил в стакан, что в бутылке оставалось, и выщедил, как воду. И сидит мрачный, как туча.

– Что, Тарас, – говорю я тихо. – Волчья голова?

Он кивнул, не поднимая на меня глаз. Расстегнул рубаху на груди и рукой там шарит. Я помню: у него там, на гайтане, кроме нательного креста еще и мешочек какой-то повешен черт знает с чем, и кривулька железная, и еще что-то. Гуцул чертов. И крест у него на шее, и всякие языческие талисманы. Вроде бы и христиане, а какому черту они там у себя молятся, и не поймешь...

– Что же это такое, Тарас? – спросил я растерянно.

– А ничего такого необычного, – говорит он буднично. – Ведьмачка. Всего и дел. Советка она там или кто – тут без разницы... Они везде одинаковые.

– Подожди, – говорю. – Это же Советы. У них безбожие, им такого не полагается...

Он усмехнулся одними губами:

– Интересно бы посмотреть, как ведьмачке объяснят, что ее не полагается... – и смотрит на меня как на малого несмышлениша. – Эх вы, городские хлопчики... Пожили бы где поглуше, быстро разобрались бы что к чему... Такие вещи, Андрий, ни царским, ни сталинским указом не запретишь... Дернул же черт связаться...

– Подожди, – сказал я. – Можно ж что-нибудь придумать... Пойдем к ней все вместе, голову простыней накроем...

Он поднял на меня тяжелый взгляд:

– Иди один и что угодно пробуй. Меня к ней больше не заманишь...

– Так она ж нам глаза отводит! Наваждение, морок...

– А я спорю? – пожал он плечами. – Кто ж ее знает, отводит или нет. И что она еще может, опять-таки никто не знает.

– Ни черта не пойму, – сказал я в полной растерянности. – Что же она нам там, на улице, чего-то такого не устроила?

– А я откуда знаю? Может, оторопела поначалу, может, еще что... С ними никогда толком не известно. Говорят, есть такие люди, что знают про них все, но я с ними не встречался... и горевать оттого не стану. Ну, ведьмачка. Они есть. Что, не убедился еще? Андрий... Что это ты?

– Да ничего особенного, – говорю я, теребя застежку у кобуры. – Вывести за забор, хлопнуть в затылок... Командирша, советка, при попытке к бегству... Да и кто спрашивать будет?

Посмотрел он мне в глаза насквозь незнакомым взглядом:

– А вот этого, дружка командир, не вздумай... На нее мне наплевать. А вот на себя – нет. Люди говорят разное... Может, ты ее и стукнешь, если она пули отводить не умеет. Вот только потом с тобой очень даже свободно может приключиться такое, что и врагу не пожелаешь. И добро бы с тобой одним... А если со всеми? Нет уж, тут рисковать не стоит...

Меряясь взглядами, мы друг друга поняли без слов: если я все же и попытаюсь, он мне непременно помешает. А как именно и как далеко пойдет, препятствуя, лучше не думать. Для него через труп переступить – что через бревно. А авторитет у него среди командиров, признавая честно, гораздо весомее моего. В конце концов, единственный свидетель – Дмитро, а для Тараса и это не помеха...

Как ни прикидывай, а лучше всего будет побыстрее избавиться от этого, что так непрощено вторглось в мою жизнь. Ладно, это, оказывается, существует. Только обходило бы оно меня десятой дорогой...

Встал я, взял ее сумку, свалил туда без складу и ладу все, что из нее вынимал. Вошел в спальню – слыша, как следом топает Тарас. «Ага, он для надежности хочет меня до самого конца держать под присмотром...»

Лежит она на постели, голая, обворожительная, но там, где следовало бы, у меня уже ничего не колыхнулось. Одного хочется – побыстрее со всем этим покончить. Бросил я сумку на постель и говорю:

– Одевайся и ступай к чертовой матери. Не поняла, что ли? Марш отсюда!

Она посмотрела на меня и не зло, и не сердито – скорее уж равнодушно, устало. Поднялась и стала без малейшего стеснения одеваться при нас, не особенно и торопясь. Меня так и подмывало выхватить парабеллум, но чувствовал я на затылке тяжелый, нехороший взгляд Тараса – и руки к кобуре не потянул...

Она надела туфельки, взяла сумку и говорит мне свысока, словно хозяйка командует кучеру:

– Водителя освободите.

– Друже командир, сходили бы за ним... – говорит Тарас тоном совершенно не приказным – но я прекрасно понимаю, что это приказ и роли на данный момент переменялись.

Ну, привел я сопляка из подвала. Я бы и остальных выпустил к чертовой матери, но о них она не знала. И ладненько.

И вышла она из особнячка, голову держа высоко, как принцесса. Сопляк тащится следом, не веря своему счастью, с самой что ни на есть идиотской физиономией. Так и ушли.

– Не переживай, друже командир, – говорит Тарас уже прежним голосом, стоя рядом со мной в воротах и глядя им вслед. – Прибытка от них никакого, а вот польза от того, что пустили ее на все четыре стороны, вполне может случиться. Мало ли... Если хочешь, я тебе при случае порасскажу о том, что бывало, и будет это чистая правда...

А сам по-прежнему мнет под рубашкой свои висюльки на гайтане – вместо того, чтобы перекреститься, холера ясна. Не скажу, что я особо ревностный христианин, но человеком всегда был верующим и все эти языческие забавы не люблю. Но тут уж лучше промолчать...

– Нет, – говорю, – Тарасе. Не желаю я ничего об этом слушать, пусть там самая доподлинная правда. Не мое это...

Куда девалась эта клятая Надийка, не знаю. К нашим она второй раз не попадала, вот это мне точно известно, я интересовался. А что до нас троих... Положительно, не скажу, чтобы с кем-то из нас троих потом приключалось нечто, напоминающее... ладно уж, пользуясь словами Тараса, ведьмачье проклятье. Дмитро загинул в сорок третьем при самых обычных обстоятельствах – попал в засаду со своей боевкой. А Тарас, точно знаю, сейчас за кордоном, живехонек. Да и у меня вроде бы складывается не самым худшим образом.

А все же редкостная была красавица...»

Вот такую историю он мне выложил – причем ни раньше, ни потом ничего даже отдаленно похожего не рассказывал. Если судить с профессиональной точки зрения, его попросту прорвало. Случаются такие ситуации: однажды вдруг прорвет человека, и выложит он такое, о чем молчал прежде и собрался молчать дальше. Причиной тут может послужить что угодно: да хотя бы эта клятая морось за окном...

Давать оценку рассказанному, то есть его подлинности, я категорически не намерен. Как говорится, не моя епархия. О всякой чертовщине мне приходилось слышать и там, и сям, в том числе от людей серьезных, но сам я никогда ни с чем таким не сталкивался. О чем нисколечко не жалею.

Вот разве что... Пришлось мне уже в начале пятидесятых три года прослужить на Урале. И, что любопытно, в тех местах давно и упорно держались рассказы о женщинах со звериными мордами. Описывалось это всегда одинаково: едет машина по глухой лесной дороге, и видит шоферюга впереди идущую по обочине женщину – и всегда она идет в том же направлении, ни разу навстречу. Он, конечно, нацеливается тормознуть и подвезти – ну, не из доброты душевной, а в расчете известно на что. И всякий раз, когда он притормозит и женщина к нему обернется, оказывается: то ли медвежья у нее морда, то ли просто непонятная звериная харя. Причем ни разу не упоминалось, чтобы водителю эта страхолюдина причинила какой-то вред: просто даст он по газам и мчится прочь, себя от страха не помня. Что, между прочим, соответствовало реальному положению дел: не случалось в тех местах гибели водителей, имевшей бы какие-то странные причины. Причины всегда были самые естественные: поломался вдалеке от жилья и замерз, угробился по собственной неосторожности, попал в недобрый час на беглого зэка... Ни разу, я точно знаю, не утверждалось, что встреча с этакой вот женщиной приносит потом несчастье. Я и здесь ничего не берусь утверждать. Просто рассказы эти держались долго – и до меня, и при мне, и, я слышал краем уха, после. Вроде бы даже и до сегодняшнего времени ходят. Не знаю, не бывал я больше в тех местах.

Вот и вся история. Как слышал. Давать оценку, повторяю, не буду. Как говорил Андрий, это не мое...

Майская рыбалка

Сам я – волжанин, потомственный волгарь. Всю жизнь, с перерывами на учебу и войну, провел на Волге-матушке. Люблю я ее, хоть сейчас она уже и не прежняя, изуродованная великими стройками...

Кстати, меня в свое время склоняли идти в военно-морское училище именно потому, что я волгарь. Военком рассуждал незатейливо: мол, тебе не привыкать, и там, и там воды много, и ты на большой воде вырос, плаваешь как рыба...

Только мне удалось отболтаться. Не думаю, что удалось бы мне тогда растолковать мои мысли, разницу меж Волгой и морем. Да я и сейчас не смог бы сформулировать точно. Как бы проще...

Оттого, что в Волге много воды и в море много, море мне вовсе не нравилось. Оно другое. Другая вода. То ли дело в том, что у моря, собственно говоря, только один берег, то ли... Не могу объяснить, и все тут. Одним словом, к морю я совершенно равнодушен.

Чтобы не сердить военкома, да и себе не ломать мозги, я в эти косноязычные объяснения пускаться не стал. Придумал более убедительную отговорку: мол, хоть и вырос я на реке, но качки не переносу совершенно, мол, всякий раз, когда попадал на лодке в непогоду – а на Волге она заворачивает будь здоров, – валился пластом и наизнанку выворачивало. Морская болезнь, так, кажется, это называется, товарищ военком. Если со мной так на реке, что же в море-то будет?

Вот это у меня прокатило. Не было при военкоме медкомиссии, способной с ходу определить, есть у человека морская болезнь или ее нет. Это вроде бы и сейчас не установишь. Почесал военком в затылке и вместо военно-морского выписал мне направление в артиллерийское училище. Как имеющему отличные оценки по математике, которая в артиллерийском деле необходима. Тут уж я не отбивался: пушки – вещь интересная. Пушкарем я всю войну и прошел.

Так вот к чему я веду... На войне, помимо страстного желания вернуться живым и неискаленным, у многих есть еще постоянная тоска по чему-то своему прежнему, мирному, довоенному. Кому-то ночами снится его прежнее ремесло, от учительского дела до столярного, кому-то не дают покоя прежние увлечения... В общем, понятно, да? Был у меня один старшина, сибиряк, тот тосковал по кедровым орешкам. Жора-парикмахер вслух мечтал, как он будет дамочкам новые прически сочинять.

А вот мне частенько грезилась рыбалка. Заядлым я был рыбаком, еще с беспортошного возраста, когда ладили булавку к суровой нитке, насаживали муху и пытались что-то такое изловить. Ну а уж погода время, когда у нас, пацанов, появились настоящие крючки, а порой и леска не из конского волоса плетенная, а магазинная жилочка... Прикипел душой. Волга...

И так сложилось – ничего в том удивительного, – что за всю войну мне не довелось порыбалить по-настоящему. Пару раз, оказавшись в подходящем месте да с одним сухарем в кармане, решали дело по-солдатски незатейливо: глушили гранатами. Но это назвать рыбалкой и язык не повернется...

И вот, уже после победы, в конце мая, дислоцируется наш арtpолк в Словакии, в непосредственной близости от реки Моравы – из расположения видно. Реку эту, конечно, с Волгой и сравнивать смешно, но едва мы при рекогносцировке заехали в деревню и увидел я там лодки, сети на просушке, удочки, моментально понял: пусть река по сравнению с Волгой и не вполне казистая, но ведь рыбная! Сразу видно: рыбачат они здесь всюю.

Сердце у меня так и взыграло. Благо ровным счетом никаких препятствий не имелось, отпроситься у начальства на рыбалку – тут же, рядышком – оказалось проще простого. Мне потом передали, что комполка даже в пример меня поставил: вот видите, оглоеды, сказал,

майор к культурным развлечениям тянется, а вы только и знаете, что при любом удобном и неудобном случае водку трескаете да за местными девчатами жеребьячим глазом водите. Хотя сам он, между нами говоря, предпочитал именно те развлечения, которые ему по должности положено было порицать вслух – но меру знал, не то что некоторые, попадавшие в серьезные переpleты из-за спиртного и женского пола.

А в общем обстановка была... умиротворенная. Война кончилась, все живы-здоровы, воинская дисциплина, конечно, оставалась воинской дисциплиной, но иные гаечки сразу ослабли, их уже не затягивали до хруста, так, что из-под них железная стружка вилась. Впрочем, это уже к делу отношения не имеет...

Свел я знакомство с одним словаком – солидный был человек, семейный, держал три лодки, кормился главным образом с реки. Как говорится, и не зря, рыбак рыбака видит изда-лека... Отношение к нам со стороны местных было превосходное, много чего для тебя сде-лали бы по искренней дружбе, не говоря уж о таком пустяке, как одолжить лодку с удочками. Вообще, хороший народ – словаки, очень они мне пришлись по душе. Чехи, знаете ли... Ну вот как-то не то. И перед немцами лапки подняли в свое время, и против немцев изволили взвиться не раньше, чем наши Берлин взяли. И партизан у них было – раз, два и обчелся. А вот в Словакии осенью сорок четвертого чуть ли не вся их армия поднялась против немцев, а когда те восстание подавили – наши войска на помощь прорваться не смогли, – то словаки многими тысячами ушли в горы, в леса и всерьез партизанили до Победы. Православные, наконец... Хороший народ, в общем.

И язык такой, что друг друга всегда можно с грехом пополам понять и договориться... вот только оказалось, что рыбаку с рыбаком, вопреки пословице, труднее, чем другим.

Рыба-то у нас и у них называется по-разному... И если нет под рукой свежельвленной или картинок, то нипочем не понять, о какой именно рыбе он мне рассказывает. Тут уж на пальцах не договоришься. Но это не такое уж и большое препятствие. Пусть я даже и не знаю, какую именно рыбку придется ловить, все равно ловить ее будет в удовольствие. Тем более что насчет других подробностей договориться проще: где рыбные местечки, на что ловить – это понять не в пример проще.

Одним словом, уже через пару дней я и отправился на утреннюю зорьку. Река в тех местах широкая и глубокая, судоходная, течение медленное, по течению я и плыву, почти не рабо-тая веслами, рассвет близится – и так у меня душа поет, что словами не описать. И жив я, и руки-ноги целы, и на груди кое-что привинчено и позвякивает, и родители пишут, что живы-здоровы, а одна известная мне девушка так и не замужем, и булькнул у меня сейчас грузила в воду, и ляжет на нее поплавок, и сяду я в азартном предвкушении... Хорошо!

Без труда нашел я то местечко, что описывал пан Ковалик – вот он, обрывчик, вот она, рошица... Тут, под обрывчиком, в донных ямах и устраиваются на ночлег эти самые... так я и не понял кто, но местные их ловят испокон веку и размеры разведенными ладонями показы-вают знатные. Хотя... Зная нашу рыбацкую привычку, эти размеры, пожалуй что, следует если и не уполонинить, то все же подсократить. И тем не менее, даже с учетом извечных рыбацких преувеличений, получается неплохо. Уж никак не уклейка, солиднее будет... Да впрочем, я бы сейчас и уклейке порадовался, как родной...

Остороженько, не булькая, опустил я за борт якорь – простую увесистую булыжину в надежном брезентовом мешке. Вытравливал веревку, пока она кольцом не легла на воде – все, встал на якорь. Насторожил я четыре удочки – руки, оказалось, сами помнили, как и что. Легли на медленной воде четыре поплавок. Осталось сидеть и ждать, когда там, внизу, продрыхнутся эти, с непонятными названиями, да захотят позавтракать. Тут и угощение приготовлено...

Закутался я в шинель поплотнее – утром прохладно, а на реке тем более, – сию себе, бездумно и умиротворенно радуюсь жизни.

Солнышко уже поднялось над горизонтом, туман помаленьку растаял. Тишина, только порой раздаются тихие, невнятные лопотанья-плески-побулькивание – но это мне знакомо насквозь, река всегда полна таких вот разнообразных звуков, которым сплошь и рядом названия не подберешь, и оттого я себя чувствую вовсе уж дома. С Волгой, конечно, не сравнить, ну да что уж тут привередничать...

Тут они и появились.

Они шли слева направо, метрах в десяти от лодки, идеальной вереницей с постоянными интервалами. Выглядело это словно омуток-воронка, диаметром с блюдце и глубиной в ладонь: геометрически правильные конусы, опрокинутые верхушками вниз. Скорость вращения воды в воронках была, судя по прикидкам, довольно большой: внутренность опрокинутых конусов казалась скорее не водой, а твердой поверхностью. Двигалась эта странная вереница не так уж и быстро, примерно как человек, идущий скорым шагом, но не бегущий. Сосчитал я их тут же – одиннадцать. У артиллериста хороший глазомер, сплошь и рядом приходится держать в поле зрения несколько движущихся объектов, в темпе оценивать скорость, расстояния и многое другое. Особенно у нас, дивизионных, не со стационарных закрытых позиций ведущих огонь, а действующих непосредственно на поле боя...

Засмотрелся я на них на какое-то время – красиво так шли, – а потом будто стукнуло: такого не бывает! Не бывает таких омутков – странно устойчивых, если можно так выразиться, да еще плывущих против течения, будто стайка уток. Водовороты на реке – дело привычное, только они всегда на одном и том же месте. А вот ни о чем подобном я за всю жизнь не слышал...

И тут они повернули ко мне, стройная вереница рассыпалась, пошли словно бы кучкой, потом, совсем недалеко от лодки, опять растянулись шеренгой, встали на месте, как будто течения и нет вовсе. Дурацкая мысль, но выглядело это так, словно меня разглядывали.

Вот только кто? Вода не особенно прозрачная, но не заметил я, чтобы в воде, под ними, хоть что-то просматривалось. Словно они сами по себе, такие и есть, непонятно что...

Принялись кружить вокруг лодки – неспешно так, будто лениво, уже не держа дистанции, один быстрее, другой помедленнее, иные то и дело подплывают поближе, но не вплотную, постоят-постоят – и отплывают, и продолжается вокруг меня это коловращение непонятно чего...

Вот тут мне, боевому офицеру и урожденному волгарю, стало как-то не по себе. Как раз оттого, что я твердо знал: на реке такого быть не должно, что на Волге, что на здешней Мораве, что на каком-нибудь Ганге. Всякое знал, видел и слышал, но такого...

Я сижу, а они кружат и кружат, и на душе у меня все беспокойнее. Про удочки, ясное дело, и думать забыл. Накатила на меня вдруг злость от совершеннейшего непонимания зрелища, и я уж было взялся за весло, чтобы двинуть по одному, крутившемуся совсем уж близко. Но остановило что-то. Ведь совершенно неизвестно, что оно такое. Ты его веслом, а оно в ответ тоже что-нибудь этакое отчебучит, да почище твоего... Все равно что кидаться в бой наобум, не зная, что за противник перед тобой, какие у него силы... Интересно, что я как-то сразу начал их мысленно называть «оно»: ну не может это оказаться простая вода, тут должно быть что-то другое, за всем этим...

Прикидываю, не паникуя. А вдруг оно мне лодку перевернет? Вдруг оно такое, что у него это получится? Даст в борт – и кувырк... До берега – метров сто, вода спокойная. В принципе, ничего страшного, я ж волгарь, сапоги скину быстро, в одежде доплыву, как нечего делать... если оно мне по дороге чего-нибудь такого не устроит, а что оно может и на что способно, поди угадай.

Одно время даже выстрелить потянуло по ближайшему: кобура при мне, запасная обойма в кармашке, расстояние плевое. Но опять-таки прикидываю я: а что в ответ получишь?

Не помню точно, сколько это продолжалось. Так прикидываю, не так уж и долго, несколько минут, я ж не засекал время, когда они появились...

В конце концов отплыли они от меня, снова выстроились в аккуратную вереницу. Нелепая мысль, но такое впечатление, что им надоело. И пошли против течения в том же направлении с той же примерно скоростью. А меня что-то холодок пробирает, хотя солнце уже высоко и шинель на мне.

Одним словом, взялся я за весла и стал, не раздумывая, выгребать к берегу. Что-то не хотелось мне тут больше оставаться, хоть убей – на реке, где шляются такие вот непонятные диковины. Непонятность эта больше всего и удивляла, да что уж там – пугала. Конечно, на реке бывает... что-то такое, что не вписывается в исторический материализм, понимаете? Сам я ни до войны, ни после на Волге ни с чем таким не сталкивался, но старики, да и народ помоложе, рассказывали всякое, и загвоздка в том, что частенько рассказывали люди, вовсе не склонные сочинять сказки и разыгрывать своих. Я не хочу сказать, что верил им стопроцентно, но в жизни всякое бывает...

Пан Ковалик, понятное дело, удивился страшно, увидев, как я причаливаю без единой рыбешки. Я ему описал, что и как. И знаете, полное впечатление, что он сам удивился не на шутку, чешет в затылке, клянется и божится, что первый раз о такой диковине слышит.

Пошли мы с ним в корчму, к пану Гарраку. Тот по-русски говорил очень даже прилично: в плен сдался еще в четырнадцатом году, восемь лет у нас прожил, так что выучился на совесть. Говорил, что в Красной Армии воевал. Может, и не врал, были такие, точно известно.

Там еще несколько человек сидело. Взялись они толковать все вместе – плечамижимают, руками разводят. Ну не бывало такого, дружно уперлись, в наших местах, да и в других про такое не слышали. Я уж рассказал так подробно, как только мог, словно докладывал в штабе дивизии. Качают головами: не бывало... Только один дед – он-то в основном слушал, в болтовню не лез – трубкой попыхтел и говорит что-то вроде: хоть сто лет на реке проживи, а до конца ее не узнаешь. Очень верно, по-моему, сказал.

Ну что? Рыбку-то я там половил от души – но исключительно с берега. Как-то мне решительно не хотелось выплывать на быстрину после такой встречи. Терпеть не могу непонятного. И ни разу больше не видел этих странных омутков. А если местные и видели, то никто мне об этом не рассказывал. И вот еще такое впечатление... Будто они какое-то время после того на реке малость осторожничали, что ли. Пан Ковалик дня через два уплыл куда-то на часок с местным попом – и вот рубите мне голову, на то самое свое облюбванное местечко. И видно, что не рыбку ловить. Ну, это уже их дела, они там религиозные были весьма...

Что это такое было, я не пойму до сих пор. А объяснить, сами понимаете, некому...

Хавронья

Вот бывают же такие случаи! С одной стороны, и жутковато оказалось, а с другой – будто бы и смешно как-то. Не черт с рогами, ничего такого.

Ладно, будем по порядку. Послали меня с пакетом в штаб полка. Дело знакомое и обыкновенное: никто, наверное, на войне не пишет начальству столько бумаг, как саперы. Очень многие свои действия, наподобие минных постановок или инженерной разведки, отписывают подробнейшим образом. Иные нас даже «писарчуками» дразнили – ну, не понимали специфики службы, обормоты...

В тех местах мы стояли не первый день, малость освоились и изучили местность. Можно было пуститься по дороге – ну, собственно, никакая это была не дорога, просто накатанный большак. Там и на попутку можно подсесть. Но это еще как получится, бабка надвое сказала. Не случится попутки, придется шлепать пешедралом все пять километров с лишним. В штаб полка ездят в основном офицеры, а к ним проситься как-то против субординации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.